

Амос Оз — «князь белого Израиля», или кое-что о ярлыках

«Когда я знаю, что думать, — я пишу эссе. Когда не знаю — пишу роман», — говорил замечательный израильский писатель Амос Оз.

О жизни и творчестве Оза сказано много, хочется лишь добавить, что из жизни ушел замечательный рассказчик, продолжатель основанной еще мудрецами Талмуда традиции еврейских историй — острых, парадоксальных, порой длинных и меланхоличных, далеко не на любой вкус. И, как у нас говорят, когда человек умирает, жизнь только начинается. Собираются друзья, рассказывают о нем, а еще больше о его времени, и это помогает понять нам себя сегодняшних. «Политические оптимисты всегда ходят хмурые, а пессимисты с улыбкой, — повторял Оз. — Это потому, что оптимисты всегда разочарованы, а пессимисты всегда испытывают облегчение».

Говорят, что лучшая литература об Отечественной войне создана не ее участниками, а поколением их детей. Это верно и в отношении израильской литературы. Лучшие произведения на иврите вышли из-под пера не «поколения Пальмаха», а его преемников — ровесников Амоса Оза, А-Б. Йегошуа, Хаима Беери. Их творчество сосредоточилось на личности, а не коллективе. Они устали от пафосного героизма, культа смерти, призывов и лозунгов. И сумели придать израильской литературе истинно еврейские нотки сомнения и самоиронии. Их книги — это не израильская версия соцреализма, мобилизованная сионизмом, а традиционная, многозначная, еврейская литература о людях, не находящих своего места в мире. Об этом и ранний, один из лучших романов Амоса Оза «Мой Михаэль», и полная рефлексий, поздняя автобиографическая «Повесть о любви и тьме».

На Амоса сильно повлияло самоубийство матери — уроженки Ровно, рассказчицы мистических сказок Фанни, так и не нашедшей в Израиле привычного уюта богатой польско-еврейской семьи. У женщины не сложилась семейная жизнь с пунктуальным филателистом, религиозным литваком и правым сионистом Йехудой-Арье Клаузнером. Оз обвинял в смерти матери атмосферу Иерусалима — города, который он никогда не любил. Позже он писал в «Отчужденном городе», как бродил с автоматом по только что отвоеванному Восточному Иерусалиму и чувствовал себя чужим в чужом городе.

Амос с родителями, Иерусалим, 1943

После смерти матери Амос ушел в кибуц и символически изменил фамилию с Клаузнер на Оз (мощь, — ивр.) — в знак протеста против религиозно-ревизионистских устоев семьи отца. При этом, в отличие от многих израильтян, писатель никогда не отрекался от своих восточноевропейских корней, знал идиш, помогал в переводе своих произведений на этот язык в журнале «Голдене кейт» — крупнейшем литературном альманахе на идише 1960-х годов.

Главным героем произведений Амоса Оза является Израиль. Писатель верил в создание нового еврея и в сионистское чудо. Именно с этим чувством сразу после Шестидневной войны он вместе с коллегами вел хронику жизни

израильских солдат. Из этих записей родилась классическая книга «Разговор солдат», идеализирующая ужасы войны, романтизирующая героизм и ставшая едва ли не пособием в ЦАХАЛе. В 2015-м писатель помог в съемках документального фильма, основанного на материалах, первоначально вырезанных из стенограмм, включая показания солдат о казнях военнопленных.

В последней книге — «Дорогие зелоты» — он выступил против левацкого промывания мозгов, ясно заявив о своей вере в то, что «еврейский народ имеет естественное, историческое, законное право на суверенное существование в рамках национального большинства — хотя бы в очень маленьком демократическом государстве». Сегодня израильские левые старательно избегают подобных заявлений о еврейских национальных правах. Постмодернистский дискурс становится все более враждебным национализму (не только еврейскому) и в целом идее национального государства. Кое-кто пытается без большого успеха заменить нации иными видами воображаемых сообществ — расами, гендерами, потребительским трайбализмом и культовыми брендами.

С самым правым премьер-министром в истории Израиля Ицхаком Шамиром, 1980-е

«Я не ходил безоружным к обезумевшим террористам, чтобы освободить детей, поэтому не назову Иосифа Кобзона трусом. Я не был ранен в двух израильских войнах, поэтому не назову Амоса Оза предателем, — отреагировал Борух Горин из ФЕОР на волну шкодливых, полных садизма опусов и комментариев русско-еврейской блогосферы на кончину Амоса Оза. — Я почти уверен, что будь я ранен на двух израильских войнах, я бы тем более не посмел назвать Амоса Оза предателем. Я однажды в юности назвал предателем Ицхака Рабина. Я был малолетним идиотом, но мне стыдно до сих пор. Готовность обличать других свойственна людям, не умеющим испытывать стыд за себя».

Я согласен с Гориним, хотя был ранен на Ливанской войне. Бомба разорвалась под джипом, на котором я развозил армейскую почту по позициям. Однако я не вижу в этом особой доблести, тем более дающей привилегию клеить ярлыки предателей или героев. Да и не прилипают ярлыки, навешанные людьми, ненавидящими евреев за то, что те не соответствуют их фантазиям о том, какими нам надлежит быть.

Амос Оз, хотел он того или нет, принадлежал к израильской аристократии. Его мать покончила с собой в квартире сестры, где Игаль Ядин, тогда зам начальника штаба молодой израильской армии планировал военные действия в 1948 году. В детстве будущего писателя водили в гости к дяде — профессору Йосефу Клаузнеру — одному из основателей Еврейского университета, к писателю Шаю Агнону. Амос Оз лично знал многих лидеров ишува, Бен Гуриона, Усышкина.

Я еще застал этот сложный мир ашкеназской израильской элиты, сочетавший высокое благородство, радушие и просвещенный универсализм с местечковыми фобиями и низкими комплексами. Родственные связи открывали многие двери, но за этими дверьми прятались предубеждения перед новоприбывшими. Мало кто из нас, репатриантов 1970-х, даже говоривших на безупречном иврите, чувствовал себя полностью своим в этом обществе.

Скандалный израильский автор и гей-активист Бени Ципер

полупрезрительно назвал Амоса Оза «князем белого Израиля». В таком определении много левого израильского обезьянничания, но есть и доля истины. Это выражалось в отношении не только к восточным евреям, но и к нам — *русим*. Я встречал Амоса Оза несколько раз. В 1992-м я создал русскоязычную газету, и Амос Оз пришел на открытие, живо интересовался нашими делами.

Амос Оз с автором, Беэр-Шева, 1992

В 1999 году группа подростков из движения «Русские пантеры» развернула кампанию против насилия и расизма в израильских школах. Я помогал им, чем мог, и дал школьнице из Арада, где жил Амос Оз, его «секретный» номер телефона. Она наткнулась на холодный душ непонимания. Коротко отчитав девушку, Оз повесил трубку. Поэтому я не очень удивился, когда в интервью Познеру писатель, на примере бесед со своим парикмахером, стал рассуждать о недемократичности *русим* и их враждебности свободе. Читая выплески тухлой ненависти по поводу смерти писателя, можно бы и согласиться с ним, что «люди, не освободившиеся от тоталитарного подхода... являются продуктом советской системы образования и не понимают природы и сути

демократии». Однако я-то знаю, что Оз (как и другие видные представители израильской интеллигенции со схожими взглядами) мог бы найти иные примеры.

Критики слева упрекают Амоса Оза в игнорировании, а то и насмешках над палестинской проблемой, над идеей о том, что евреи и арабы, живущие в одном доме, больше всего нуждаются в разводе. В прошлогодней лекции в Тель-Авивском университете писатель подчеркнул, что палестинским беженцам 1948 года невозможно вернуть свои дома или восстановить прежнюю пасторальную жизнь, даже если Израиль откроет свои границы. «Они ищут в физическом пространстве то, что было потеряно во времени».

Эти же слова применимы и к ностальгии Амоса Оза по маленькому лейбористскому Израилю 1948 — 67 гг. Он верил в этот Израиль, несмотря на все недостатки и клаустрофобическую ментальность той страны. Писатель считал его лучшим достижением светского еврейского национального духа, как палестинцы верят в счастливую жизнь до Накбы — палестинской национальной катастрофы 1948 года, сопровождавшей создание Государства Израиль. Оз верил, что любая, даже вынужденная оккупация развращает и разрушает самого оккупанта, разрушает еврейское государство. Он боялся арабизации Израиля «от Иордана до Средиземного моря», опасался менталитета всеобщей коррупции и лжи, которая шла с территорий.

На одном из выступлений, сентябрь 1979

Как общественный деятель Амос Оз стал известен в начале 1970-х годов, опубликовав в газете «Давар» статью «Министр обороны и lebensraum». Писатель выступил против самого Моше Даяна, вокруг которого сложился настоящий культ личности, как победителя в Шестидневной войне и идеала нового еврея. Даян призвал тогда отказаться от своей же формулы «территории в обмен на мир» в пользу «безопасных границ».

Оз написал то, что по сей день является своего рода девизом противников оккупации: «Мы должны сказать жителям оккупированных территорий одну ясную и простую вещь: мы не жаждем вашей земли... Мы не пришли иудаизировать вас. Мы останемся здесь и будем править до тех пор, пока не будет подписано мирное соглашение. Год, десятилетие или поколение, но когда придет день — выбор будет в ваших руках ...Мы рождены не для того, чтобы стать нацией хозяев. *Быть свободным народом* (цитата из пасхальной Агады) — нам было предначертано, чтобы страсть свободы тревожила наши сердца, дабы мы не потеряли человеческий облик».

Интервью Оза на единственном тогда телеканале смотрел весь Израиль.

Многие осознали, что мессианская эйфория закончилась. Со временем это понял и сам Даян, но у него уже не было ни былой славы, ни авторитета, ни власти, чтобы что-то изменить. Он ушел с поста главы МИДа в правительстве Менахема Бегина со словами, что не желает быть министром дипломатических коктейлей.

Книги Амоса Оза

Амос Оз боялся отчуждения Израиля. «Не за горами дни, когда механики в Амстердаме, Дублине или Мадриде откажутся обслуживать самолеты «Эль-Аль». Потребители бойкотируют израильскую продукцию. Инвесторы и туристы держатся подальше от Израиля. Израильская экономика рухнет. Мы уже, по крайней мере, движемся в этом направлении».

Писатель понимал, что развод — это резкое и не всегда мирное решение, когда стороны не просто расходятся, но и уходят из жизни друг друга. Он рассуждал о «добром заборе», цитируя Роберта Фроста. Сегодня в «Нью-Йоркер» цитируют самого Оза: «Двунациональные модели не работают нигде, кроме шести случаев: Швейцария, Швейцария, Швейцария, Швейцария, Швейцария и... Швейцария».

Идею общего государства не разделяют сегодня ни израильтяне, ни палестинцы, однако развод выглядит еще менее вероятно. 13 миллионов человек населяют территорию площадью чуть больше Черновицкой области.

Палестинцы живут под израильским контролем уже полвека — дольше, чем восточноевропейские страны «народной демократии» под контролем Советов. Палестинцы не знают другой власти. Большинство из них говорит на иврите, как родном языке, и куда больше мечтает о гражданских правах и свободах, чем о своем государстве.

Книги Амоса Оза, его замечательные еврейские истории универсальны и будут жить долго. Его взгляд на еврейское государство во многом отражает то, как смотрел на себя сам Израиль и как смотрит на него внешний мир. Творчество Оза представляет лучшее, гуманистическое, что было в старом Израиле и чего не будет уже никогда больше. А как будет, знает только Бог.

Михаэль Дорфман, специально для «Хадашот»